

ОБ ЭТАПЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ — в ПКК

В ноябре 1921 — в Помполит было передано письмо бывшего заключенного Ивановского лагеря, отправленного с группой заключенных по этапу в Екатеринбургский лагерь, с подробным описанием 12 тяжелейших дней в пути, а также о размещении их и питании в самом лагере.

<Ноябрь 1921>

«19 октября часов около 7 вечера после ужина заключенные Ивановского лагеря неожиданно были вызваны звонком во двор, где комендантом был прочитан список лиц свыше 100 человек, которым было приказано немедленно собраться со всеми вещами для отправки неизвестно куда. Все попытки частным порядком узнать, куда отправляют, не имели никаких положительных результатов. Ходили самые разнообразные слухи об отправке в другой лагерь в Москве, в Архангельск, в Екатеринбург, в Сергиевский Посад. Несколько позднее одному заключенному удалось подсмотреть место назначения — в списке, присланном Отделом Принудительных Работ, — Екатеринбург. Ввиду того, что некоторые из поименованных в списке лиц оказались уже выбывшими из лагеря, некоторые больные находились в околотке, некоторые отпросились у коменданта, чтобы их не отправляли. Всего из Ивановского лагеря было отправлено 96 человек, мужчин из общего числа заключенных — около 45 человек. Нельзя было выяснить как повода к отправке, так и принципа, на основах которого были выделены из общего числа эти 96 человек. Среди них были и уголовные (бандиты), и политические, и коммунисты, и контрреволюционеры, и спекулянты, и осужденные по тому же делу, другая часть осужденных по которому была оставлена. Среди отправленных были люди в возрасте 60-70 лет, совершенно больные; все их просьбы об оставлении были напрасны. В довершении всего многие (пожалуй, большинство) не имели теплой верхней одежды, так как стояли сравнительно теплые дни, и 19-го как раз выпал первый большой снег, сопровождавшийся вьюгой. У многих не было обуви, кроме лаптей, очень многие не имели никакого продовольствия. Со сборами страшно торопили, так что многие впопыхах оставляли у себя в камере самые необходимые вещи. Часам к 8-8½ отправленным было велено выйти в стеклянную галерею, где было очень холодно, там ожидали более часа, потом там же произвели обыск увозимых вещей, потом вывели во двор, где после нескольких переключек, под усиленным конвоем отряда ВОХРы, вывели на улицу, и шествие направилось к товарной станции Северной жел<езной> дор<оги> (Ярославский вокзал).

Во время пути конвой обращался с заключенными грубо, требовал идти скорее, хотя некоторым старикам и обремененным вещами идти быстро было трудно. В начале первого часа ночи пришли к вокзалу. Здесь, ввиду неподготовленности вагонов и отсутствия лица, который должен был принять заключенных и рассадить по вагонам, нас оставили более трех с половиной часов простоять на открытом месте на ветру, под вьюгой и снегом, в то время как конвойные, кроме нескольких дежурных, забрались в порожние вагоны. Чтобы совершенно не окоченеть, приходилось все это время бегать и двигаться на небольшом пространстве, где нам было приказано стоять в ожидании посадки. Около часу ночи или позже была приведена партия заключенных из Андрониевского лагеря (около 30 человек), которых поставили на некотором расстоянии от нас. Среди них мы узнали некоторых, за несколько недель перед тем отправленных из Ивановского лагеря в Андрониевский, якобы, для переправки на родину (кстати, в числе 96, отправленных в ночь с 19 на 20 в Екатеринбург, было

30-35 поляков, большинство которых принадлежало к категории "гражданских военнопленных"). В половине четвертого началась посадка в вагоны. По списку по одиночке вырывались и размещались по 35 человек в вагоны в алфавитном порядке, так что разъединялись товарищи по одному и тому же делу, сожители по камере в лагере и т<ак> д<алее>. Поезд тронулся в путь, однако, только в 9-10 часов утра, 20 октября, так что непонятно, зачем была нужна такая спешка со сборами и мучительное ожидание на морозе, на путях Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>.

Поезд состоял приблизительно из 60 вагонов, так как кроме заключенных из Ивановского и Андрониевского лагерей этим же эшелоном отправляли около 100 человек из Ордынского лагеря, по несколько десятков из Ново-Песковского и Покровского лагерей. Сверх того, этим же эшелоном отправлены были около 500 человек слушателей политических курсов красных командиров, бывшие белые офицеры Колчаковской и Деникинской Армии (и 450 кандидатов к ним). Всего, следов<ательно>, арестованных, считая эти две последние категории, было от 1400 до 1500 человек. Относительно курсантов и кандидатов к ним в пути и уже в Екатеринбурге нам удалось узнать следующее: на краткосрочные (шестинедельные) политические курсы красных командиров отправлялись белые офицеры, кот<орые>, в принципе, допущены к занятию должностей в Красной Армии; до занятия последних они должны пройти эти курсы, на которых видные деятели Р<оссийской> К<оммунистической> П<артии> знакомят их с принципами советской власти и коммунизма. Курсанты, отправленные в Екатеринбург, почти уже закончили курс, им оставалось всего несколько дней до окончания и до занятия должностей в Красной Армии. Они не считались арестованными, жили в помещении быв<шего> Александровского Военного Училища. Накануне или утром 19-<го> они внезапно были переведены в Кожуховский лагерь (12-15 в<ерст> от Москвы), без объяснения причин перевода, и в ночь с 19 на 20 присоединены к эшелону, отправленному в Екатеринбург. Что касается кандидатов, то они, привезенные из различных провинциальных лагерей для зачисления на те же курсы, ожидали своей очереди, т<о> е<сть> окончания курса курсантами. Они были свободны. Часть жила в специальных общежитиях, другая же жила на частных квартирах, лишь ежедневно являясь на регистрацию. В этот день, т<о> е<сть> 19-<го>, явившихся на регистрацию задержали в том виде, в каком они были, т<о> е<сть> без верхних вещей, не позволили собраться и вместе с жившими в общежитиях отправили на вокзал для отсылки в Екатеринбург.

Вагоны, из которых состоял поезд, были простые, товарные (даже не теплушки, кроме одного вагона, где помещались четверо представителей ВЧК или ВОХРы, поставленных во главе конвоя из около 250 красноармейцев, где <была> железная печь), без печей, со щелями в полу и в стенах, через которые проникал холодный ветер. По обеим сторонам вагона был настлан один ряд нар. Посередине вагона оставался свободный проход. Те, кто не помещался на верхних нарах (половина обитателей вагона), должен был устраиваться прямо на полу. В первый момент, после стояния на морозе, окоченевшим от холода и ветра и эти вагоны, где можно было лечь вповалку и, согревать друг друга собственным дыханием и прикрыться имевшейся теплой одеждой, показались раем, но очень скоро обнаружилось, что поездка в таких вагонах совершенно невыносима, если не принять собственных мер для спасения себя от замерзания и верной простуды. Путем прямого воровства железных и жестяных печей на остановках, из стоящих на линии вагонов, при участии конвоя и без ведома и разрешения чекистов, большинство вагонов обеспечило себя печами и таким же путем добывались на станциях дрова. Чекисты, разумеется, видели при обходе печи, но

благоразумно не расспрашивали о происхождении печей. Несмотря на топку, вагоны быстро охладевали, т<ак> к<ак> по мере продвижения на север и восток, мороз крепчал и для того, чтобы согреться, огонь поддерживался круглые сутки. Но, во-первых, эти печи раздобывались только постепенно — во многих вагонах на 2-ой или 3-ий день пути, и первые дни приходилось или совершенно мерзнуть, или устраивать самодельные печи при помощи кирпичей, кусков жести и т<ак> д<алее>. В одном из вагонов устройство такой печи привело к тому, что во время движения поезда загорелся пол, воды в вагоне не было и пришлось заливать вспыхнувший огонь собственной мочой. Во-вторых, при огромном количестве щелей, наряду с теплым воздухом, сильно нагреваемом печами, все время дул сильный ветер, особенно плохо приходилось тем, кто спал внизу. В некоторых вагонах удалось из краденых на станциях досок устроить и нижним нары, что только очень немного ослабляло холод, т<ак> к<ак> с полу и с боковых стенок вагона сильно дуло. Грязь в вагонах была невероятная, ввиду скученности, невозможности свободно двигаться, холода, отсутствия у многих белья, невозможности умыться и т<ак> д<алее>. Естественно было, что очень многие на 4-5 день пути обнаружили на белье и теле большое количество паразитов-вшей, от которых при этих условиях не было никакой возможности избавиться, и число их по мере приближения к Екатеринбургу все увеличивалось.

Само собой разумеется, что никаких приспособлений для отправок естественных потребностей в поезде не было, и на станциях, под конвоем, разрешали вылезать из вагона и отправлять естественные потребности под вагонами и около них, на путях ж<елезной> д<ороги>. И это при морозе от 10 до 15 градусов. В некоторых случаях, по капризу чекиста, тот или другой вагон запирался на станциях (во время пути, как правило, вагоны извне запирались засовом) и тогда приходилось отправлять ест<ественные> потребности в пути через дверную щель или люки в стенах. Освещения в вагонах не было никакого, приходилось довольствоваться огнем из печек или зажиганием лучин (во время еды, распределения продуктов, размещения на ночь).

Питание арестованных соответствовало всем другим условиям поездки. Нам полагалась выдача по нормам красноармейского пайка, но все, что мы получали, мы получали в меньшем, чем полагается, количестве и всегда с запозданием (иногда было так, что больше суток не выдавали хлеба). Происходило ли это от того, что кто-то спекулировал на заключенных и получал их порции или потому, что выдача продуктов должна была происходить на питательных пунктах, а к ним приезжали не вовремя (часто ночью вместо дня), или на них не оказывалось достаточного количества продуктов, с точностью установить трудно. Возможно, что имело место то и другое. Во всяком случае, за 12 дней, проведенных нами в вагоне, нам был выдан всего 8 раз хлеб (в среднем около $\frac{3}{4}$ ф<унта> за раз, иногда не более $\frac{1}{2}$ ф<унта>, иногда около 1 ф<унта>), 2 раза сырое мясо (хорошо, что собственными усилиями добыли печи), по небольшому кусочку, 2-3 раза по несколько ложек крупы, 2-3 раза по ложке растопленного масла, 2-3 раза по 3-4 картофелины, 2 раза по кусочку селедки, 2 р<аз> кофе, 2 раза песку сахарного, 1 раз соли и 1 раз махорки (по 2 папироски на человека) и 1 коробку спичек на вагон. Даже при наличии печек не все могли готовить: не все имели с собой для этого котелки, на печке готовить на всех 35 человек требовало очень много времени, и при долгом ожидании получения продуктов некоторые буквально более суток ничего не ели, наконец, не всегда была вода для кипячения. Кипяток, как правило, регулярно не выдавался. На остановках от доброй воли конвойных зависело пустить арестованных на станцию за кипятком (без специального выводного они не имели права этого делать, а

выводных не всегда можно было заполучить), поэтому в большинстве вагонов считалось счастьем, если раз в день удавалось напиться чаю или кофе, приходилось выклянчивать у машиниста холодной воды или набирать снег для кипячения. При отсутствии воды умываться можно было только холодным снегом.

Такого питания, конечно, совершенно недостаточно, особенно, принимая во внимание холод внутри и вне вагонов, спертый воздух в вагонах, нервное состояние от неизвестности и неопределенности положения. Положение некоторых облегчалось тем, что они смогли захватить с собой кое-какие продукты из лагеря и этим дополнить казенную пищу. Тем, которые таких продуктов не имели, приходилось или голодать, или, если имели деньги или лишние вещи для обмена (что было далеко не у всех), покупать или обменивать их на продукты (начиная с 3-4 дня пути, когда въехали в хлебородную полосу Вятской губ<ернии>). На деньги почти ничего приобрести было нельзя. В товарообмен пускали все, начиная с ниток, мыла, карандашей, медной и жестяной посуды, лишнего белья и кончая буквально рубашкой, снятой с тела, за неимением лишней, тужурками, одеялами, простынями. В результате такого товарообмена и утоления голода на несколько часов люди продолжали это путешествие без последних предметов теплой одежды.

В виду конкуренции между заключенными при товарообмене на станциях и значительного превышения спроса над предложением, а также препятствий товарообмену со стороны чекистов, цены неимоверно вздувались, и очень ценные вещи сбывались за бесценок, за 1-2 ф<унта> хлеба. Голод доходил до того, что некоторые воровали у своих же товарищей по несчастью продукты или предметы для товарообмена (среди отправляемых был довольно значительный процент уголовных). На станции Вятка даже дошло до того, что, вырвавшись на базар возле вокзала с попустительством конвоира, двое арестованных стащили с лотка гуся. Поднялся переполох, виновных окружили, гусь был отобран. Под конец пути от недоедания и скверного воздуха были случаи головокружения, обмороков и т<ак> д<алее>. Вообще, как это ни странно, но относительное число заболевших в пути было очень невелико. В Вятке, где поезд стоял более суток, поезд обходил местный врач, и несколько заболевших человек было снято с поезда и оставлено в Вятке. По слухам, у одного старика обнаружено было обморожение ног и началась гангрена. Зато последствия пути начали сказываться в Екатеринбурге, где в первые дни пребывания начались заболевания в довольно большом количестве.

Обращение конвойных с арестованными (на вагон положено по 1 конвоиру, сменявшихся каждые два часа) было очень хорошее, подчас даже сердечное: они равным образом страдали от холода и голода и сочувствовали арестованным, несколько десятков их за время в пути в свою очередь подверглись аресту чекистами за нарушение инструкции: игру в карты, засыпание на посту, побеги арестованных и т<ому> п<одобное>, так что один вагон оказался сплошь заполнен арестованными конвоирами; несколько десятков конвоиров дезертировало в пути. Были случаи побега и арестованных. Точного числа бежавших установить нельзя, но известно, что из первых 10 вагонов поезда бежало 28 человек. Известно, что некоторые из них вернулись в Москву в свой лагерь и объяснили свой побег тяжестью пути; как говорят, они были оставлены в Москве и даже не подверглись репрессиям. Насколько прилично и гуманно было поведение конвоиров-солдат, настолько грубо и возмутительно было обращение некоторых чекистов, особенно некоего Жукова (надо отдать справедливость начальнику эшелона или коменданту поезда — он обращался вежливо, на "вы", и держал себя корректно, но к сожалению, его почти невозможно было добиться). Жуков и другие чекисты иначе как

на "ты" не обращались с заключенными, без матерной или иной площадной брани не произносилась ни одна фраза; постоянные угрозы револьвером, отказ давать какие-либо объяснения на самые законные заявления арестованных (о нерегулярности выдачи пищи, об отсутствии кипятка и т<ак> д<алее>), угроза, часто приводимая в исполнение, о закрытии дверей вагона во время стоянок и предложение испражняться в вагонах. Большею частью Жуков являлся к арестованным выпивши (конвоиры утверждали, что в вагоне с чекистами ехали какие-то сомнительные женщины, и что по ночам там происходили оргии). Одна иллюстрация (из многих) обращения Жукова: заходит в вагон, дает какие-то инструкции конвоиру и запрещает что-то арестованным (открывать люки или что-то в этом роде). Один из арестованных шутовски замечает: "Слушаюсь, Ваше благородие". Жуков раздражается матерной бранью и криком. Заявляет: "Благородия давно уничтожены". И, обращаясь к конвоиру: "Ты вот таких, которые о благородиях вспоминают, замечай, а потом мне указывай, мы с ними (матерная ругань) в пути расправимся по-своему, мы все можем с ними сделать" (тонкий намек на расстрел).

Путешествие в Екатеринбург продолжалось ровно 9 дней. Приехали около 12 часов дня 28 октября, но высадки не происходит. Ждем день, спрашиваем, почему нас не выводят, дают уклончивые ответы. От конвоиров узнаем, что ходят слухи об отправке нас дальше — не то в Туринск, не то в Челябинск, не то в Омск, не то в Тобольск (300 верст от ж<елезной> д<ороги>). Говорят, что отправят партиями на работы в шахты (каторжные работы). Простояли на станции ровно 3 дня до 31 октября в вагонах, в тех же гигиенических условиях при том же питании и товарообмене, что и в пути. Наконец, 31 октября утром говорят, что для нас приготовили "прекрасное помещение", в бывшем Епархиальном училище. Очевидно, эти три дня велись переговоры между Центром и Екатеринбургскими властями. Для нас впоследствии стало совершенно несомненно, что в Екатеринбург мы были направлены без предварительного запроса Екатеринбурга о возможности нашего размещения и что последнее и было фактически невысказано, ввиду переполнения всех Екатеринбургских мест заключения.

В 1-2 ч<аса> дня нас вывели из вагонов под усиленным конвоем местных красноармейцев, повели длинным кортежем. Красноармейцы, окружая нас тесным кольцом, держали все время ружья на изготовке, согласно приказу Жукова и других чекистов, которые приказывали конвоирам немедленно стрелять в нас при первой же попытке кого-либо из нас не то что бежать, но уклоняться при движении в сторону от построенной шеренги. В таком виде промаршировали мы верст 5 до Епархиального училища через весь город, причем, публику, с любопытством смотревшую на невиданное зрелище (1500 арестованных), скоплявшуюся на перекрестках (это был воскресный день), Жуков и К^о с криком, бранью и угрозой револьвером разгоняли.

С первого взгляда Епархиальное училище показалось нам довольно приветливым. Сравнительно большой трехэтажный каменный дом с обширным двором. Но в действительности, несмотря на эту внешность, пребывание в нем оказалось продолжением или даже усугублением того кошмара, который мы переживали в пути. Оказалось, что само по себе недурное помещение абсолютно не приспособлено для содержания арестованных. Предназначенное для Епархиального училища здание не было закончено постройкой и во многих отношениях не оборудовано. Относительно большие комнаты оказались недостаточны для того количества заключенных, которое было в них помещено. Всего в Епархиальное училище было приведено около 2000 заключенных, ибо кроме нашего эшелона туда же были помещены свыше 300 человек,

привезенных одновременно с нами из Смоленского лагеря, и около 200 человек местных из числа арестованных в эти дни в Екатеринбурге — от 1500 до 3000.

Размещение произошло следующим образом. В нижнем, полуподвальном этаже были помещены екатеринбуржцы, в верхнем — смоленцы и курсанты, во втором — москвичи из лагерей и кандидаты на курсы. В большие комнаты (классы) были помещены от 80 до 120 человек в каждый, в маленькие — от 20 до 60. Так как мы прибыли в Епархиальное училище уже к 4 часам, когда стемнело, а электричество оказалось испорченным, то перекличка и размещение по комнатам происходили в темноте, как попало и крайне неравномерно. Кроме того, комнаты оказались вообще не приспособлены и в других отношениях: настоящих нар не было, а был лишь небольшой досчатый настил над полом ($\frac{1}{2}$ аршина), с небольшим проходом в середине. Некоторые камеры абсолютно не могли вместить всех туда назначенных, и ночью в них многим не было места, чтобы лечь, и приходилось проводить ночь на ногах (после 12 дней пути) или чередоваться в лежании с товарищами. В других комнатах, где, стеснившись, ложились все, приходилось лежать вповалку, так что ноги одного впирались в голову другого, а с боков было так тесно, что нельзя было лечь на спину и невозможно было повернуться, не задев соседей. Нельзя было раздеться, укрыться, так как одеяла занимали лишнее место; чтобы пройти к двери в коридор ночью, приходилось буквально наступать на головы, ноги и плечи товарищей, что при крайней нервности и усталости всех после дороги вызывало скандалы, недовольство, столкновения и *т.ак> д<алее>*, особенно, если принять во внимание, что с 5-6 *часов>* дня до 8-9 утра в комнате было абсолютно темно. В первые дни и в коридоре было абсолютно темно и лишь на третий-четвертый день длинный коридор освещался одной-двумя тусклыми электрическими лампочками.

При такой темноте и невозможности переменить белье, умыться, естественно, что паразиты, набранные в пути, не только не сокращались, но с каждым днем размножались, и с утра во всех камерах начиналась "охота" на них, причем, конечно, при этой охоте соседи невольно награждали своих соседей ими. Счастье, что в этот момент в Екатеринбурге не было еще тифозной эпидемии, в противном случае гибель громадного большинства была обреченной. Кроме тесноты, мы страдали и от всех других мыслимых дефектов помещения. Уборная оказалась испорченной и в таком состоянии, что не было надежды на исправление и в ближайшее время. Умываться было негде и нечем. В Екатеринбурге вообще нет водопровода, и вода доставляется в бочках на подводах. Епархиальное училище не располагало ни лошадьми, ни подводами, и не было воды ни для умывания, ни для питья. При отсутствии уборных естественные потребности приходилось отправлять во дворе, так что через несколько дней большой двор превратился в зловонную клоаку, где не было буквально чистого уголка. Так как двор не огражден ни забором, ни решеткой, то комендант (Попов) Епархиального училища, опасаясь побегов, разрешил выпускать во двор только с конвойными-выводными. Таких выводных на целый этаж было 5-6 человек, и выводили каждый из них зараз от 2 до 5 человек (причем, в тот же двор в те же углы выводили и женщин, и мужчин), благодаря чему добиться выхода во двор стоило большого труда (тем более, что это было организовано до чрезвычайности неумело и бестолково). Некоторые, не дождавшись, производили отправление прямо в углах коридоров (благо, в них было темно). На третий или четвертый день в камеры или в коридоры у двери расставили "парашки" — открытые деревянные кадки, не достаточно хорошо сделанные — они тотчас же потекли, и в коридорах

образовались потоки зловонной жидкости. Коридоры и камеры вообще плохо вентилировались, и от дыхания сотен людей, парашек, при отсутствии отопления (центральное отопление оказалось испорченным, железных печей не ставили) в воздухе стоял смрад, пар и вечный сырой туман. Все предложения, обращаемые к коменданту через выборных камерами старост, чтобы предоставить заключенным самим оборудовать лагерь: исправить электричество, уборную, отопление, поставить нары в два яруса, организовать возку воды и т<ак> д<алее> отклонялись им, а между тем он один единого <шага> даже при доброй воле решительно ничего не смог бы сделать. На 2 или 3 день 3-4 рабочих, тоже арестованных из другого лагеря, которые начали строить нары, но через день они приостановили работу, так же была приостановлена начатая работа по проведению колючей проволочной ограды вокруг лагеря и исправление электричества. Объясняется это тем, что из Москвы получилась телеграмма от Ленина о передаче помещения Епархиального училища, согласно ходатайству Правления Екатеринбургского Государственного Университета, Университету, которому оно было раньше предоставлено, и об очистке здания от арестованных, что было выполнено с очень большой постепенностью.

Опасение побега и отсутствие огражденного двора заставило коменданта лишить нас прогулки и, более того, запретить выход из камеры без излишней нужды, так что и днем приходилось сидеть или стоять в темных, загрязненных камерах (только на третий день после повторных требований появились метелки для выметания камер и вынесения сора, хотя бы в коридор). Несмотря на неумение дать заключенным самые необходимые условия общежития, на третий день нашли время и труд для того, чтобы привесить к дверям камер замки, которых не было, когда мы пришли, и начали запирают камеры на ночь.

Разумеется, никакой библиотеки в лагере не оказалось, и заключенные обречены были на полное бездействие: ни к каким внутренним работам они не допускались, двум фельдшерам было отказано (без согласия высшего начальства Отдела Принудительных Работ) в организации околотка и медицинской помощи. Только группе артистов было разрешено организовать труппу для спектаклей, и им была отведена отдельная камера и облегчена возможность выходить во двор и даже в город.

Остается коснуться вопросов питания, медицинской помощи и обращения с арестованными.

Кухня оказалась испорченной и была приведена в состояние минимальной годности лишь дня через три после нашего прибытия. В первый день мы не только не получили никакой пищи (ни в вагоне утром, ни в лагере), ни кипятку, ни даже холодной воды. Те, кто сохранил что-нибудь из продуктов, приобретенных путем товарообмена, доедал остатки, те, кто их не имел, — голодал. Для утоления жажды набирали снегу во дворе или соскребали лед с окон. Конвойные, видя нужду в воде, начали торговать кипятком. Получая его откуда-то, продавали его по тысяче рублей за чайник или солдатский котелок. На второй день был выдан фунт белого хлеба (только в 2 ч<аса> днем) и немного холодной воды, на третий день — 1 ф<унт> хлеба к 2 ч<асам>, и к вечеру немного кипятку (одно ведро на 20 человек), причем, разливать его приходилось в темноте, обливаясь и обжигаясь. С четвертого дня 1 раз в день стали выдавать горячую пищу — картофельную похлебку (один солдатский котелок на трех) к вечеру и к вечеру же 1 раз кипятком. С утра ничего ни пить, ни есть не приходилось, так как выдаваемый фунт хлеба в 1-2 ч<аса> дня съедался целиком совершенно голодными и измученными людьми. Просьбы об отпуске в город старост под конвоем для коллективных

закупок продуктов отклонялась комендантом. В таком виде дело шло в течение всей первой недели, пока мы трое находились в лагере.

На второй и третий день обнаружилось довольно значительное количество заболеваемых. Приглашенный врач (арестованный другого лагеря) и фельдшерица (свободная) организовали наспех (при отсутствии медикаментов) амбулаторию, прием и околоток, для чего были отведены две самые маленькие камеры. Но число заболеваемых было столь велико, что скоро их начали переводить в какой-то городской госпиталь или больницу. О характере заболеваний нельзя сказать ничего определенного. В дальнейшем число заболеваний увеличилось очень значительно.

Обращение конвойных было не одинаково. Некоторые грубили, пускали в ход матерную брань, грозили прикладами, грубо разгоняли, когда публика скоплялась в коридорах в ожидании очереди во двор, другие относились более гуманно. Комендант держался относительно корректно, но на все запросы и требования предлагал обождать, обещая, что в скором будущем все устроится, и ничего или почти ничего не делал для устройства, ссылаясь на высшее начальство. В общем, во всем поведении его и конвойных сказывалась не столько нарочитая жестокость, сколько полное отсутствие организаторских способностей, непонимание и неумение сделать то, что нужно, и понимал действительно чрезвычайно затруднительное положение.

О дальнейшем пребывании в лагере, о судьбе московских арестованных, их размещении будет в записках товарища, пробывшего дольше в Епархиальном училище. Курсанты, но не кандидаты, очень скоро получили некоторые льготы, им было предоставлено ходить в город за продуктами, их свободно пускали во двор, где им было разрешено на кострах варить пищу, им выдавали паек в больших размерах и т<ак> д<алее>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 32. Л. 66-70 оборот. Машинопись.